

Ирене Шнейдере

Рига, Латвия

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ОБВИНЕНИЙ В МГБ СССР: ПО МАТЕРИАЛАМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ ЕВРЕЕВ, АРЕСТОВАННЫХ В ЛАТВИИ В 1953 г.

Тема моих исследований — преследование евреев по политическим мотивам¹ в Латвийской ССР после окончания Второй мировой войны. Проблема эта имеет множество «подводных камней», поскольку очень тесно связана с изменениями в политике руководства Советского Союза, прежде всего по отношению к Государству Израиль и бывшим союзникам по антигитлеровской коалиции, а также по отношению к евреям внутри страны. Несмотря на то, что в последние годы — главным образом в связи с полувековой годовщиной процесса против членов *Еврейского антифашистского комитета и расстрела проходивших по этому делу 12 августа 1952 г. и так называемого «дела врачей» — опубликованы как исследования, так и многочисленные документы о репрессиях против евреев в СССР в эпоху сталинизма, все еще остаются вопросы, на которые только предстоит найти ответы. Об этом свидетельствует хотя бы острая дискуссия, развернувшаяся на страницах московского еврейского журнала «Лехайм», о том, готовилась или нет в 1953 г. массовая депортация советских евреев².

Для исследователей истории Латвии еврейская проблематика представляет несомненный интерес не только сама по себе, она позволяет прояснить достаточно важный для выяснения механизма функционирования советского режима вопрос: насколько самостоятельным в определении политики, принятии конкретных решений и, наконец, в своих действиях был Центральный комитет Коммунистической партии Латвии, было ли руководство Латвии преданными сторонниками режима или же подневольными исполнителями. Следует помнить, что страх очень быстро парализовывал людей вне зависимости от их статуса в обществе, и они превращались в послушных исполнителей чужой воли, безоговорочно следуя всем указаниям и веря всему, что писалось в газетах или о чем говорилось на многочисленных собраниях, совещаниях и партийных активах. Чувство страха — это не просто словосочетание, а всеобъемлющее понятие, которое наряду с другими характеризует социально-политическую систему, существовавшую в бывшем Советском Союзе. Вот что об этом писал известный общественный деятель М. У. Шац-Анин³: «Укрепление власти хозяина всегда требовало покорности и смирения, поэтому подчиненных стремились обезличить, и на этой безликой основе вырастали тирании, тираны — Нерон, Чингисхан, Гитлер, Сталин. Безропотная покорность народа унаследована от прошлого»⁴.

Степень зависимости, покорности, в основе которых лежал страх, несомненно, менялась по мере того, как эволюционировала система, но он присутствовал всегда, хотя бы на подсознательном уровне. Очень многие не могут освободиться от этого унижительного чувства до сих пор, хотя Советский Союз не существует уже почти полтора десятка лет.

Если можно утверждать в достаточной степени достоверно, что страх (не всегда полностью осознанный) поселился в душах народов, населявших Советский Союз, в 30-е гг., то иная ситуация складывалась в Латвии и других республиках Прибалтики, включенных в состав СССР летом 1940 г. Первый год существования здесь советской власти, означавший не только репрессии и массовую депортацию 14 июня 1941 г., но и национализацию как крупной (в местном масштабе), так и мелкой собственности, потерю денежных накоплений, шокировал всех жителей, роковым образом сказавшись на дальнейшей судьбе всех этнических групп населения нашей страны. Однако это был всего лишь год. После же окончания Второй мировой войны в обществе все еще были живы иллюзорные надежды на то, что режим в той или иной степени смягчится — надо просто к нему приспособиться. Власти же требовали не просто лояльности по отношению к советскому строю, а воодушевленного, радостного восприятия и поддержки всех без исключения мероприятий и «отречения от старого мира», т.е. своих национальных и религиозных корней, истории и культуры своего народа, которые воспринимались советской властью лишь выборочно, явно в усеченном и значительно искаженном, обезличенном виде.

Как заставить людей подчиняться? Ответ напрашивается сам собой — запугать, вселить страх. На это работала целая система государственных учреждений, где ведущую роль играли органы внутренних дел и государственной безопасности. В ходе работы с материалами бывшего архива Комитета государственной безопасности Латвийской ССР нами изучены более тысячи уголовных дел, что дает основание говорить о методах ведения следствия репрессивными органами Советского Союза. Уверена, что только те, кто не хочет ничего знать о невинных жертвах тоталитарного режима, могут называть эти органы правоохранительными. А именно так поступают в настоящее время те политические круги в Российской Федерации, которые не желают переоценки трагической истории России в XX столетии.

Задача данной публикации — на основе анализа политических уголовных дел арестованных в начале 1953 г. латвийских евреев показать методы ведения следствия, а проще говоря — каким образом следователи заставляли арестованных оговаривать самих себя, своих близких, знакомых и малознакомых людей. Однако хочу сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, следует особо подчеркнуть, что среди арестованных в конце 40-х и в начале 50-х гг. в Латвии евреев были такие (например, Борис Пеккер), кто не смотря ни на что не признал своей вины, и такие, кто сразу же (начиная с первого допроса) стал сотрудничать со следствием, оговаривая всех, на кого указывали. Первые достойны восхищения. Таких были единицы. Большинство же относятся к третьей группе. Это те, кто в начале следствия держался, отрицал все необоснованно выдвинутые против них обвинения, но был сломлен. Эта третья группа дел и легла в основу данной статьи.

Во-вторых, рассказ будет явно неполным, поскольку в самих делах, конечно же, отсутствуют прямые указания на унижения, применения мер физического воздействия и пытках. Судя по протоколам, следователи обращались к арестованным уважительно и только на «вы», в ходе допросов не произносили ни одного бранного слова.

Что же может служить источником для воссоздания более или менее достоверной картины того, что в действительности происходило во время допроса в

специально отведенной для этого комнате, куда вызывались заключенные, и что — между допросами?

Не претендуя на исчерпывающий перечень источников, назову, на мой взгляд, основные. Прежде всего это различные нормативные акты и документы внутреннего делопроизводства Министерства государственной безопасности СССР. Но эти документы не доступны исследователям из Латвии. Здесь мы вынуждены черпать информацию лишь из публикаций наших российских коллег. Хотя, как пишет Г. В. Костырченко в своем фундаментальном труде «Тайная политика Сталина», в распоряжении историков имеется подписанный 4 апреля 1953 г. министром внутренних дел СССР Л. П. Берией приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», но отсутствуют какие-либо нормативные акты, регламентировавшие этот «вид деятельности»⁵. Вторая группа возможных источников — это воспоминания тех, кому посчастливилось пережить арест, следствие, несправедный суд, тюрьмы и лагеря ГУЛАГа. Но этот источник специфический и не всегда — особенно применительно к рассматриваемой в данной статье теме — достоверный.

Почему?

Назову лишь несколько «лежащих на поверхности» причин. Во-первых, субъективные особенности человеческой памяти (мы склонны забывать все то, что характеризует нас не с лучшей стороны, те моменты, когда мы проявили слабость, совершили предательство); во-вторых, в случае освобождения из заключения все без исключения давали подписку о неразглашении государственной тайны. Вот ее текст, взятый из одного уголовного дела: «Я, (далее следуют ФИО и год рождения), даю настоящую подписку органам МГБ Латвийской ССР в том, что обязуюсь хранить в строжайшем секрете все то, что мне стало известно в момент моего пребывания в тюрьме, все обязуюсь никому не разглашать. За нарушение мною данной расписки буду нести ответственность как за разглашение государственной тайны»⁶. И подавляющее большинство бывших политзаключенных не рассказывали о пережитом даже близким родственникам и опасались доверить воспоминания бумаге. Исключение составляют те, кто покинул Советский Союз, но, как ни странно, именно их воспоминания наиболее субъективны. Оставшиеся в Советском Союзе получили возможность открыто говорить и писать о пережитом лишь в конце 80-х гг., а это слишком большая временная дистанция, чтобы достоверно воспроизвести ход событий. В этом в полной мере убеждаешься, когда сравниваешь воспоминания и материалы уголовных дел.

Остается третья группа источников — материалы уголовного дела, а если сохранились, то и наблюдательные дела. Это протоколы допросов, обвинительные заключения, кассационные жалобы на приговоры судов (на решение внесудебного органа — Особого совещания — кассационные жалобы писать было нельзя), обращения в высшие государственные и партийные инстанции с просьбой о пересмотре дела и реабилитации, написанные уже после смерти Сталина, а также материалы проверки уголовного дела, осуществлявшейся в исключительно редких случаях по просьбе репрессированного уже в 60-е гг. и позднее. Именно эти документы и легли в основу настоящей статьи. К сожалению, очень малое число дел содержит материалы всесторонней проверки выдвинутых обвинений, которые позволяют уточнить многие детали.

Как известно, впервые публично о методах ведения следствия в своем докладе «О культе личности и его последствиях» на XX съезде Коммунистической

партии Советского Союза в начале 1956 г. сказал первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Правда, полный текст этого доклада был опубликован лишь в 1989 г. в соответствии со специальным решением политбюро ЦК КПСС. Некоторые тезисы этого доклада до сих пор не утратили своей актуальности, в том числе и в том, что касается методов ведения следствия: «Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, «признание» самого обвиняемого, причем это «признание», как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого... Произвол одного лица поощрял и допускал произвол других лиц. Массовые аресты и ссылки тысяч и тысяч людей, казни без суда и нормального следствия порождали неуверенность в людях, вызывали страх и даже озлобление»⁷.

Таким образом, задача следователей репрессивных органов Советского Союза состояла не в выяснении всех обстоятельств дела, а в том, чтобы добиться от подследственного признания. Этого было достаточно для составления обвинительного заключения и передачи сфабрикованного таким образом дела для судебного или же внесудебного рассмотрения. Особо следует отметить, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, принятом в 1922 г. и вступившем в силу в начале 1923 г., именно следователь в обвинительном заключении указывал суду, какой меры наказания «заслуживает» подследственный. Прокурор лишь утверждал этот документ, иногда, правда, не соглашаясь со следователем и предлагая иную меру наказания. Однако чаще всего прокурор подходил к изучению следственных материалов чисто формально и просто утверждал предложенную следователем меру наказания. Особое совещание МГБ СССР — внесудебный орган, ликвидированный только после смерти Сталина, в сентябре 1953 г., — обычно просто переносил предложенную меру наказания в свое постановление. Хотя были случаи, когда прокурор в Москве перед передачей дела на рассмотрение Особого совещания, основываясь на материалах следственного дела, изменял предложенную меру наказания в сторону либо ее смягчения, либо ужесточения. По следственным делам репрессированных сталинским режимом жителей Латвии можно назвать имена нескольких московских прокуроров (именно в Москве утверждали приговоры перед передачей дел в Особое совещание), которые спасли жизни десятков политических заключенных. Но это скорее исключение из правила. Ошибочно было бы считать, что в судебных инстанциях (различного уровня судах и трибуналах) дела рассматривались в соответствии с законодательством того времени. Все изученные мною уголовные дела, направленные в суды, рассматривались «в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей»⁸. Рассмотрение дел в подобном составе суда предполагалось лишь в исключительных случаях. Но осуждавшиеся по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР всегда были подобного рода «исключительными случаями». Многие принужденные в ходе следствия оговорить себя и других надеялись, что на суде выяснятся все обстоятельства явно сфабрикованного дела и восторжествует справедливость. Однако их надеждам не суждено было сбыться. Суд превращался в фарс.

Следователю, чтобы добиться признания, нужно было прежде всего сломить заключенного. Этому способствовала, несомненно, сама атмосфера тюрьмы. Но этого было недостаточно, чтобы заставить ни в чем не повинных людей признаваться в несовершенных ими преступлениях, подтверждать не происходившие

события на очных ставках, своей подписью подтверждать согласие с выдвинутыми обвинениями. На мой взгляд, состояние заключенного во время следствия очень точно в жалобе в Генеральную прокуратуру СССР в 1955 г. описала одна из необоснованно репрессированных, объясняя, почему она себя оговорила: «Угрозами, физическим воздействием, изматыванием по 10—12 часов допроса я была доведена до невменяемого состояния. Выбившись из сил окончательно, я заявила: пишите все, что вам нужно, я все подпишу, только оставьте меня в покое»⁹.

В рамках печально известного «дела врачей» и поднятой в начале 50-х гг. в Советском Союзе мутной волны государственного антисемитизма в 1953 г. число арестованных евреев значительно выросло и в Латвии. Часть арестованных в феврале и в самом начале марта 1953 г. (Макс Шац-Анин, его супруга Фреха (Фаня) Шац, Иосиф Писецкий, Борис Пеккер, Юдель Этман, Абрам Эйнес, Ицхок (Исаак) Цисер и др.) оставили в Риге, где следствие вели следователи МГБ Латвийской ССР¹⁰, некоторых же направили в Москву, где мужчины были заключены во внутреннюю тюрьму МГБ СССР, а женщины — в Бутырскую тюрьму, где они попали в руки столичных следователей.

К 1953 г. следователи репрессивных органов накопили опыт «развязывания языков». Г. В. Костырченко, основываясь на архивных материалах, достаточно подробно описывает «методы» ведения следствия по «делу врачей» в Москве. Обобщая приведенные им сведения, можно выделить отдельные ступени, на каждой из которых положение заключенных драматически усугублялось. В конце концов заключенные были вынуждены, как пишет автор, «уступить домогательствам истязателей»¹¹ и подписать заготовленные признания. К арестованным по «делу врачей» в Москве не сразу стали применять методы физического воздействия. Сначала длительные допросы и психологический прессинг, угрозы репрессировать родственников, которые зачастую реализовывались; избиение, круглосуточное содержание в наручниках, многочасовые допросы в ночное время. Содержание заключенных в металлических наручниках — эту пытку применяли по указанию руководства МГБ СССР в течение продолжительного времени: от нескольких суток до нескольких месяцев — в зависимости от покладистости подследственных. В дневное время руки заковывали за спиной, а в ночное — впереди. В наручниках руки опухали и затекали, что причиняло нестерпимую боль. Но, пожалуй, самой страшной экзекуцией было лишение заключенных сна. Арестованного допрашивали несколько раз в течение суток, причем самые продолжительные допросы проходили в ночное время. И если следователь имел возможность отоспаться днем, то заключенному, в соответствии с тюремным распорядком, в камере нельзя было даже прилечь, за чем зорко следили надзиратели. За невыполнение этого требования грозило заключение в карцер на срок до недели. Обычно пытка бессонницей достигала своей цели — заключенный был сломлен, полностью подчинен навязанной воле истязателя.

С точки зрения ведения следствия с применением всех перечисленных мер воздействия наиболее показательным является уголовное дело старшего преподавателя Латвийского государственного университета Язепа Эйдуса¹², арестованного 6 февраля 1953 г. в Москве, где он находился в командировке.

Я. Эйдус родился в Белоруссии, в Витебске, в 1916 г. После окончания Первой мировой войны семья оказалась в независимой Латвии. В 1933 г. после окончания немецкой классической гимназии Я. Эйдус поступил на химический факультет

Латвийского университета. Еще будучи гимназистом, он вступил в Коммунистический союз молодежи Латвии, вместе с единомышленниками участвовал в различных организационных акциях. В ноябре 1934 г. был арестован и приговорен судом к четырем годам лишения свободы, но освобожден через два года и восемь месяцев. Начальник рижской Центральной тюрьмы, выпуска заключенного на свободу, сказал: «Брось, Эйбус, коммунистов! Придут твои, тебя же и посадят!»¹³ Об этом оправдавшемся пророчестве Я. Эйбус вспомнит спустя пятнадцать лет, в 1953 г., на заседании военного трибунала Московского военного округа. А тогда, в конце 30-х гг., арест только укрепил его коммунистические идеалы. Осенью 1938 г. он отправляется в Великобританию и поступает в Бирбекский колледж (*Birbeck College*) Лондонского университета, который успешно заканчивает летом 1941 г., получив степень бакалавра по специальности физика. Находясь в Лондоне, Я. Эйбус принимает гражданство СССР и после нападения нацистской Германии на Советский Союз горит желанием поскорее включиться в борьбу против агрессора. Осенью 1941 г., преодолев массу препон, ему удается вернуться в СССР на конвойном корабле, на котором направлялись в Москву и члены военной миссии Великобритании. Во время продолжавшегося месяц опасного путешествия пассажиры, естественно, подружились. Позднее, уже в Москве, Я. Эйбус встречался с членами военной миссии союзников. Причем делал он это с ведома и даже по поручению Народного комиссариата внутренних дел СССР. Именно поэтому ни во время войны, ни после ее окончания, вплоть до 1953 г., это не считалось чем-то зазорным, тем более преступлением. Осенью 1944 г. Я. Эйбус вернулся в Ригу, и с ноября до дня своего ареста преподавал на физико-математическом факультете Латвийского государственного университета.

Уже на следующий день после ареста, 7 февраля 1953 г., Я. Эйбус признался в том, «что на протяжении ряда лет до своего ареста занимался разведывательной работой против Советского Союза»¹⁴. Впоследствии заключенный неоднократно менял свои показания. Однако это никоим образом не повлияло на цели следствия. Уже 19 февраля Я. Эйбусу было предъявлено обвинение, суть которого в ходе одного из допросов была изложено следующим образом.

«В о п р о с. Будучи враждебно настроенным к советскому государственному строю и агентом иностранной разведки, в течение ряда лет занимались шпионажем против СССР и, являясь еврейским буржуазным националистом, проводили антисоветскую националистическую работу, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1“а”, 58-10, ч. II и 58-11 УК РСФСР. Виновным в предъявленном обвинении вы себя признаете.

О т в е т. Да, признаю»¹⁵.

За стандартными формулировками обвинения, которые встречаются даже не в десятках, а в сотнях тысяч политических уголовных дел сталинского времени, в данном случае подразумеваются убеждения (часто просто подозрения в таких убеждениях или фальсификация их наличия) о проводившейся в Советском Союзе антисемитской политике; необходимость отменить запрет советским евреям на эмиграцию в Израиль; одобрение права на образование и существование «самостоятельного буржуазного еврейского государства».

Я. Эйбус, несмотря на применение пыток, меняя показания, пытался хоть частично смягчить обвинения, самым страшным из которых было обвинение в шпионаже. Так, на допросе 18 апреля, проводившемся в присутствии заместителя начальника следственного отдела главного управления МВД СССР полковни-

ка Маклакова арестованный отрицал шпионскую деятельность в пользу Великобритании, более того, утверждал, что якобы вербовавший его англичанин Эванс является вымышленной личностью. Таким образом, в ходе следствия Я. Эйдус оговорил себя, причем именно таким образом, как этого хотелось следователю Щербакову. Тогда, в апреле 1953 г., самооговор арестованный объяснил следующим образом: «Давал показания в силу малодушия, сейчас решил внести ясность»¹⁶. Однако до полной ясности в этом деле было еще очень далеко.

Известно, что, помимо пыток, унижения и издевательства (морального и физического) над арестованными, немаловажным фактором, способствовавшим моральному слому заключенных были угрозы расправиться с членами семьи и родственниками и иногда очные ставки. Об очных ставках как о средстве давления на заключенного обычно вообще не говорится. Очные ставки в сталинское время устраивались достаточно часто. Тщательно подготовленные, они производили гнетущее впечатление, поскольку следователь подбирал для очной ставки уже сломленного тюрьмой или лагерем заключенного, который просто за обещание смягчения режима или другие поправки был готов в ходе встречи либо подтвердить уже данные, либо выдвинуть новые необоснованные обвинения. Следует учитывать и то, что очные ставки устраивались исключительно для подтверждения выдвинутых в ходе следствия обвинений, а не для обоснования невиновности обвиняемого. То же самое можно сказать и о свидетелях. В тех редчайших случаях, когда в ходе следствия и на судебное заседание вызывались свидетели, это были исключительно свидетели обвинения. Ни разу в ходе многолетних исследований мне не встречались случаи привлечения свидетелей защиты. Положение начало меняться, и то очень медленно лишь после смерти Сталина.

Что касается угроз следователей расправиться с членами семьи, то к началу 50-х гг. уже и в Латвии, где советская власть просуществовала еще только шесть лет, было известно, что раньше или позже жернова советской тоталитарной системы «перемалывали» и членов семей репрессированных, особенно тех, кто не отказывался от своих опальных родственников¹⁷. Так что высказывавшиеся в ходе допросов угрозы расправиться с родственниками воспринимались как вполне реальные. Многие, поддавшись на обещания не трогать членов семьи в случае дачи «нужных показаний», оговаривали себя и своих знакомых. Однако зачастую это не меняло ситуацию. В Риге в начале 1953 г. в рамках так называемого «дела врачей» вместе с мужьями были арестованы Фреха Шац, Хая Магильницкая и Ханна Певзнер. Что касается рассматриваемого дела Я. Эйдуса, то вслед за ним 22 февраля 1953 г. в Риге была арестована и сразу же переправлена в Москву его сестра Тамара Залите-Эйдус, которая в то время работала преподавателем в Рижском педагогическом институте. Брат и сестра содержались в разных тюрьмах. На каждого было заведено отдельное дело, и судили их в разное время. В сентябре 1953 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговорила Т. Залите и проходившую с ней по одному делу Тамару Аб, до ареста работавшую в Телеграфном агентстве Советского Союза (ТАСС) преподавателем английского языка, — к десяти годам лишения свободы каждую с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях и с поражением в избирательных правах на три года после отбытия наказания. Обе женщины были арестованы, основываясь на выбитых у Я. Эйдуса показаниях. Самого Я. Эйдуса 10 октября 1953 г. судил военный трибунал Московского военного округа. Заседание было закрытым, т.е. проходило без прокурора и адво-

ката, и продолжалось всего два часа. Приговор был сравнительно мягким — десять лет в исправительно-трудовых лагерях с поражением в избирательных правах на три года после отбытия наказания, а также с конфискацией всего имущества¹⁸. Через два дня осужденный пишет кассационную жалобу, тем не менее рассматривавшая ее в ноябре того же года Военная коллегия Верховного Суда СССР оставила приговор в силе.

Однако ситуация в Советском Союзе после смерти «вождя всех времен и народов» постепенно менялась. Начатый Л. Берией процесс реабилитации продолжил Н. Хрущев. У политических заключенных появилась надежда. В высшие партийные и государственные органы, в Генеральную прокуратуру СССР и в Верховный Суд СССР с просьбами о пересмотре сфабрикованных дел стали обращаться сотни тысяч политических заключенных. Но маховик репрессий раскручивался в обратную сторону очень медленно. Достаточно мощным импульсом послужило лишь выступление Н. Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. Вот и Я. Эйдусу, отбывавшему наказание в Воркуте, в 1954 г. было отказано в пересмотре дела, однако, несмотря на неудачу, он продолжает отправлять жалобы в различные инстанции, в которых утверждает, что оговорил себя в ходе следствия, поскольку работники МГБ применяли к нему незаконные методы ведения следствия¹⁹. Наконец в конце 1955 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР начала проводить проверку по уголовным делам Я. Эйдуса и его сестры. В ходе проверки были допрошены как сами заключенные, так и следователи. Результаты проверки были обобщены в пятистраничном отчете. О чем говорилось в этом документе? Выделю лишь несколько наиболее важных аспектов. Во-первых, констатировалось: «...будучи допрошен в процессе проверки, Эйдус показал, что на предварительном следствии и в суде оговорил себя, дав ложные показания в результате применения к нему работниками МГБ незаконных методов следствия, а в суде частично эти показания подтвердил, боясь, что вновь будет подвергнут пыткам со стороны работников следствия»²⁰. Эти утверждения заключенного были проверены: в декабре 1955 г. был допрошен производивший предварительное следствие подполковник Щербаков, который подтвердил, «что Эйдус действительно допрашивался в ночное время, что к Эйдусу применялись наручники, чтобы вынудить его дать показания»²¹. Однако следователь, пытаясь снять с себя ответственность, сказал, что не он давал указание о применении такой пытки, как длительное содержание подследственного в наручниках. Этот способ пытки достаточно широко применялся до марта 1953 г. по указанию заместителя министра государственной безопасности. Верность данного утверждения подтвердил и бывший начальник внутренней тюрьмы, куда во время следствия был заключен Я. Эйдус, — Миронов, также допрошенный в ходе проведенной проверки. Наконец-то выяснилось, что выбитые у Я. Эйдуса и его сестры показания не соответствовали действительности.

10 марта 1956 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приняла решение: дело за отсутствием состава преступления прекратить и Эйдуса немедленно освободить из-под стражи²².

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Но для этого понадобилось три долгих года. В этом смысле следует признать, что в более выгодном положении оказались те арестованные в связи с «делом врачей» евреи, следствие по делу которых велось в Риге. Они были освобождены из заключения вскоре после смерти Сталина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отдельно следует рассматривать, например, тему, связанную с уголовными делами экономического характера против евреев, которые зачастую использовались в политических целях. Особенно это было характерно для 60—80-х гг. Этот сюжет пока остается вне поля зрения исследователей (как историков, так и юристов, экономистов). Могу назвать лишь одну работу, где рассматривается эта проблема: *Эвельсон Е.* Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). Лондон, 1986. 372 с.
- ² *Костырченко Г. В.* «Сумасшедшая история»: К 50-летию «дела кремлевских врачей» // *Лехаим*. 2003. № 1. С. 27—41; *Ляс Ф.* «Ты берешься за молнию вместо ответа — значит, ты неправ»: Открытое письмо Г. В. Костырченко // Там же. С. 49—57. В историографии Латвии также до сих пор не утихают споры о том, предполагалось ли осуществить еще одну депортацию после массовой депортации 14 июня 1941 г., когда за пределы Латвии без суда и следствия, даже без предъявления обвинения, было вывезено более 15 тыс. жителей страны. Однако в значительной степени эти споры являются бесплодными, поскольку в архивах до сих пор не найдено документальных подтверждений намерения руководства Советского Союза осуществить массовую депортацию непосредственно после осуществления первой акции. В одном Г. В. Костырченко безусловно прав: такого рода акции осуществлялись исключительно по решению Центрального комитета ВКП(б) и советского правительства. Именно на основе этих постановлений репрессивные органы (Министерство внутренних дел или Министерство государственной безопасности) разрабатывали конкретные распоряжения и указания по осуществлению депортации. Такого порядка придерживались в ходе осуществления всех без исключения массовых депортаций в Советском Союзе. Не была исключением и Латвия, хотя долгое время постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР о проведении депортации 1941 г. не предавалось гласности. В настоящее время известно, что оно было принято за месяц до осуществления акции — 17 мая 1941 г.
- ³ *Шац-Анин Макс Урьевич* (1885—1975) — ученый-правовед (профессор), видный деятель еврейского рабочего движения и культуры, публицист, историк, философ, литературовед, педагог. Родился во Фридрихштадте Курляндской губернии (ныне Яунелгава в Латвии), окончил Митавскую (Елгавскую) гимназию; будучи студентом Петербургского университета, за участие в революционном движении в 1906 г. был выдворен за пределы Российской империи. В 1908 г. окончил Бернский университет со степенью доктора права. В 1911 г. возвратился из эмиграции. В годы Первой мировой войны в Риге, а затем в Петрограде работал в организациях по оказанию помощи беженцам, в 1917 г. — член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, один из лидеров Объединенной еврейской социалистической рабочей партии (выступила против захвата власти большевиками). В 1919 г. возвратился в Латвию, где был основателем и руководителем ряда культурных организаций и печатных изданий для еврейских рабочих. В 1921 г. арестован латвийскими репрессивными органами и в тюрьме, где он провел несколько месяцев, ослеп на один глаз, а во второй половине 20-х гг. полностью лишился зрения; тем не менее продолжал полноценную профессиональную (как адвокат) и творческую деятельность. В период Второй мировой войны, находясь в советском тылу, был членом *Еврейского антифашистского комитета. В феврале 1953 г. был арестован в Риге советскими органами госбезопасности по «делу еврейского националистического центра», впоследствии реабилитирован. Умер в Риге. Автор книг «Кому нужны погромы?» (СПб., 1905), «Das Nationalproblem der Gegenwart» («Национальная проблема современности», Рига, 1910), «Темпорализм. Опыт философии еврейской культуры» (Рига, 1919; 2-е изд. Рига, 2005), «Евреи в Латвии» (Рига, 1924, на идише), «Социальная оппозиция в истории евреев» (Рига, 1927) и др. (подробнее о нем см.: *Шац-Марьяш Р. М.* Быль, явь и мечта: Книга об отце. Рига, 1995; Макс Шац-Анин: Жизнь. Наследие. Судьба: Материалы науч. конф., Рига, 20 июня 1997 г. Рига, 1998).
- ⁴ Цит. по: *Шац-Марьяш Р. М.* Указ. соч. С. 284.
- ⁵ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 687. В соответствии с этим распоряжением в Москве, в Лефортовской тюрьме и внутренней тюрьме МГБ СССР, были ликвидированы орудия и приспособления для пыток.
- ⁶ Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 2, д. 2928, л. 52.

⁷ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 133.

⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 39519, т. IV, л. 315.

⁹ Там же, д. 7405, л. 198.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Шнейдере И.* Отзвуки «дела врачей» в Риге и местные еврейские интеллектуалы // Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф., Рига, 25—27 авг. 1997 г. Рига, 1998. С. 369—378; *Она же.* Замыслы и реальность: евреи в Латвии в 1945—1953 гг. // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф. Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 437—445; *Šneidere I.* Politiskās prāvas pret ebrejiem Latvijā 1944.—1952. gadā // *Holokausta izpētes problēmas Latvijā.* R., 2001. 328.—349. lpp. (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti. 2. sēj.); *Id.* Latvijas ebreju politiskā vajāšana, 1948—1953 // *Holokausta izpētes jautājumi Latvijā.* R., 2003. 359.—378. lpp. (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti. 8. sēj.).

¹¹ *Костырченко Г. В.* Указ. соч. С. 650.

¹² Эйдус Язеп (Иосиф Аронович) (1916—2004) — ученый-физик, педагог. Родился в Витебске (ныне в Белоруссии), куда в 1915 г. из Курляндской губернии царским режимом были депортированы его родители. По возвращении семьи в Латвию (1920) жил сначала в Лиепаяе, затем в Риге. Учился в Рижской немецкой классической гимназии (1924—1933), в 1933 г. поступил на химический факультет Латвийского университета. В 1934 г. был арестован за участие в революционном коммунистическом подполье, осужден на 4 года каторжных работ и исключен из университета на 99 лет. После отбывания наказания в 1938 г. уехал в Англию, где в 1941 г. окончил физический факультет Лондонского университета. Осенью 1941 г. с караваном PQ-2 прибыл в Советский Союз и добровольцем ушел на фронт; в составе 201-й Латышской стрелковой дивизии участвовал в битве под Москвой. С февраля 1943 по октябрь 1944 г. работал в латышской редакции Всесоюзного радио. В декабре 1944 г. возвратился в Ригу и до 1996 г. работал на физико-математическом факультете Латвийского университета (с перерывом в 1952—1956 гг., когда был репрессирован сталинским режимом; реабилитирован в 1956 г.). Доктор физико-математических наук (1965), почетный член Лондонского университета (*a fellow of Birbeck College*). Один из основателей научной школы спектроскопии в Латвии, учитель нескольких поколений латвийских ученых-естествоиспытателей. Автор около 200 научных трудов, в том числе книг: «Атлас электронных спектров 5-нитрофурановых соединений» (1968, в соавт.; англ. изд.: Лондон, 1970), «Фотоника» (1974, в соавт.), «Атомная физика» (1978, в соавт.), «Оптические явления в атмосфере» (1980, в соавт.) (три последних — на латыш. яз.) и др. Перевел на латышский язык дидактическую поэму Лукреция «О природе вещей» (1995). — *Ред.*

¹³ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. P-2003, т. 3, л. 486.

¹⁴ Там же, т. 1, л. 37.

¹⁵ Там же, л. 175—176.

¹⁶ Там же, т. 2, л. 50

¹⁷ Известно, что в ходе массовых депортаций жителей Латвии 14 июня 1941 г. и 25 марта 1949 г. высылались в том числе и члены семей репрессированных.

¹⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. P-2003, т. 3, л. 488—489.

¹⁹ Там же, л. 532.

²⁰ Там же, л. 533.

²¹ Там же, л. 535.

²² Там же, л. 538.